

Красулин Андрей

02.03.05.

Культура. — 2005. —
2 марта. — с. 10

Три встречи у памятника Снегирю

“Образ жизни” Андрея Красулина в Третьяковке

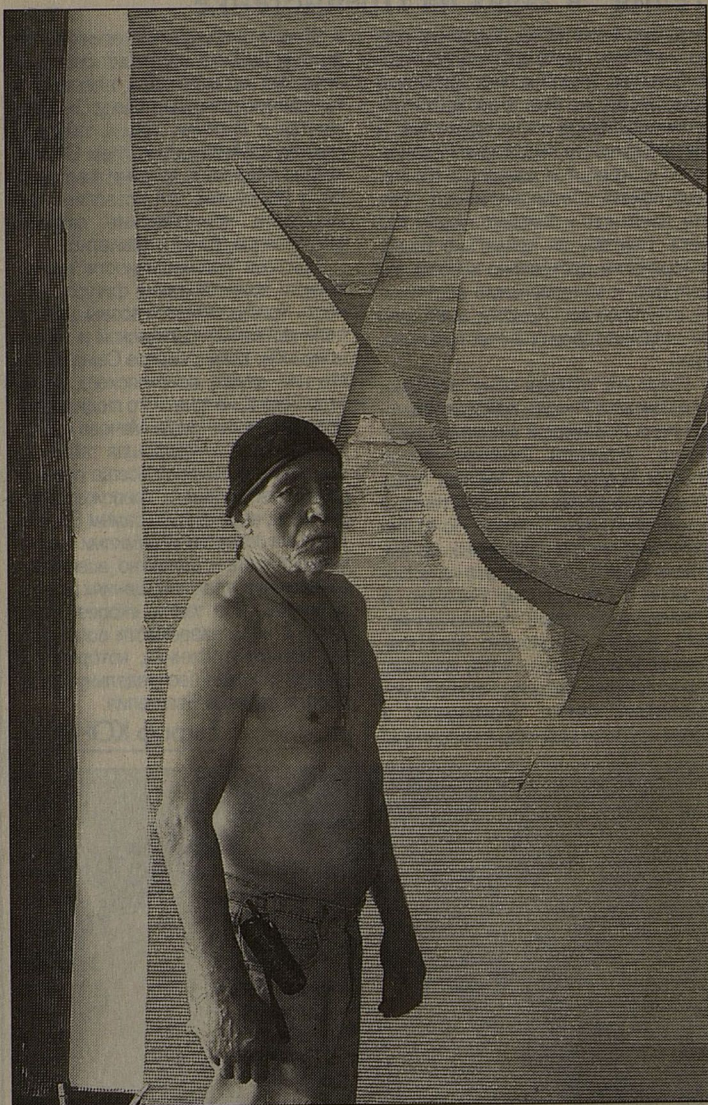
Открываясь в Третьяковской галерее персональная выставка Андрея Красулина, этакий постскриптум к 70-летию художника, — одна из самых удачных и эффектных в нынешнем сезоне. И — красивых (не побоюсь истрепанного слова, хотя в данном случае его смысл бесконечно далек от салонно-академического шаблона, становящегося расхожим местом даже в сфере так называемого актуального, а на деле нередко плумного искусства, — речь идет скорее о Красоте по Платону, очищенной от посторонних понятий, примесей и наслоений).

В стенах академического музея такая выставка — для Красулина первая — кажется радикальной. Ни привычной ретроспекции, уместной в юбилейном проекте, ни подробного рассказа об этапах жизни и творчества, ни анализа смены манер или эволюции стиля... Главная задача иная — выявить неизменные качества Андрея Красулина, как немногие владеющего даром раскрывать органическое единство предмета и материала, делать зримым взаимодействие формы и материи, высвобождать “причудливые души вещей, подчас уже ставших хламом”. Своего рода апофеоз нового подхода к личности творца — в мировом масштабе он вовсе не нов, но у нас еще с трудом пробивает себе дорогу. Все пространство зала решено как одна грандиозная инсталляция — мощный дизайн-проект, импульсом для которого послужила мастерская художника; и все его многочисленные фрагменты-экспонаты, разнообразные и по видовому принаследности (живопись, скульптура, объекты, инсталляции), и по времени возникновения, и по запечатленному в них настроению, работают на создание непафосного, но в высоком смысле патетического, объемного и яркого портрета человека, который в этой мастерской не просто трудится, а живет, беспрестанно что-то лепит, красит и мастерит, вкалывает и мыслит. Потому что Андрей Красулин — настоящий пример художника-философа, хотя вряд ли сам он стал бы говорить о себе в подобных категориях. Однако то, что не оформлено словесно, да и не требует слов, даже протестует против литературно-сюжетных определений, так как задействуют иные, сугубо пластические категории — объем, пространство, цвет, к которым неизбежно добавляется категория времени, — складывается в удивительно стройную картину. В рассказе о Художнике, его мировоззре-

нии, его эпохе, даже его стране. При этом автор словно отодвигает от себя столь масштабные понятия, выводя на первый план то иное, что считает для себя самым важным и что манифестировано в названии выставки: “Образ жизни”.

В самом деле, что такое табуретка, ящик или конструкция из хитроумно сколоченных досок, на которые кистью то размашисто, то аккуратно касаниями нанесены полосы краски — белые, зеленые, желтые, огненно-красные? Стоит такая посреди выставочного зала, или в чистом поле, или брошена наземь среди холмов (“Прогулки у Плещеева озера”) — и вот уже пространство, сама земля или рожденное ею дерево говорят с вами на особом, древнем, гулком, но при настойчивом желании поддающемся дешифровке языке. Любимые Красулиным табуретки в яркой раскраске — это еще и воспоминание об эпохе авангарда, преемниками которой стали шестидесятники, о супрематизме и призывах Малевича к “отрыву от шара земли”... Но это еще и простой предмет мебели, на который можно усадить друга, зашедшего к тебе в мастерскую “на огонек”. Когда-то, кстати, в мастерской у Красулина собирались люди легендарные: Веничка Ерофеев, Нина Жилинская или Владимир Кормер... Скульптор подчеркивает, что при всем неприятии официального искусства “не состоял” и “не участвовал” в протестном движении отечественного андеграунда. Однако круг его общения, что называется, находился на линии огня. Жаль, что в экспозицию не включили фотоснимки — правда, их можно найти в каталоге, изданном к выставкам в ГТГ и Русском музее; вступительную статью написал один из самых авторитетных искусствоведов — академик Дмитрий Сарабьянов.

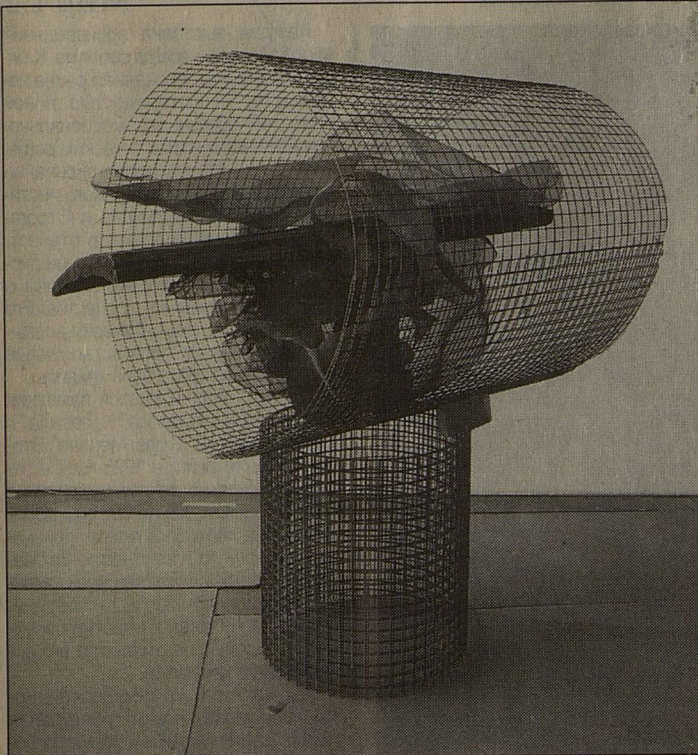
“Андрей Красулин — в глубинном смысле хранитель природы вещей. Он спасает от тления и забвения радостно предающиеся ему в первозданности материалы. Бумага и картон, дерево, камень или железо — все идет в дело и претворяется в форму, живущую внутри материала... Присуший Красулину неподкупный минимализм свободен от высокомерия и надменности — это конкретный минимализм”, — написал немецкий режиссер Михаэль Элле после того, как из старых балок на чердаке старинного дома Кранаха в Виттенберге Андрей Красулин сложил “Ступени”. И по мнению наблюдателя, с простотой и возвышенностью выразил в этой

композиции свою “глубинную интуицию: искусство — не занятие, это образ жизни”.

Традиционно в Москве Красулин числится по разряду скульпторов. Только в последние годы в Третьяковку, где авторов все еще разделяют по видам искусства, стала попадать красулинская графика, в экспозицию, увы, не включенная: никак не сошлась с хранителями показывать эти “почеркушки”, как определяет свои рисунки сам автор, без стекла, защищающего от губительного света, но и скрадывающего столь важные штрих, фактуру и прочие тонкости, понятные истинному ценителю. Не беда, художник нашел выход: привез

множество листов из дома. Уже давно сложился своеобразный творческий тандем, или, как модно ныне говорить, “динамическая пара” Улицкая — Красулин. Жена и ангел-хранитель, подобно Илье Кабакову, гордящая тем, что ничего не выбрасывает, Людмила Улицкая достает из архива черновики собственных книг — и на этих рукописях Красулин печатает офорты. Линии, пятна, переходы цвета вступают в затейливую игру с буквами, бежущими по листу то прямо, то вбок, а то и вверх тормашками: ведь мастер волен как ему угодно вертеть в руках предметы — кирпичики творимого мира, обустроивая свою вселенную, где ощущает себя демиургом.

Слева: А.Красулин. Справа: Без названия. 1994–2004 гг.

Творцом Каллиграфии.

Одна невеселая мысль не отпускает на мажорной и жизнеутверждающей, даром что художник не закрывает глаза на скорбь и быстротечность жизни, выставке Андрея Красулина: если бы его дар монументалиста был использован... ну пусть не на все 100, так хотя бы на 40 процентов! Какие невероятные фасады, декоративные объекты и созвучные времени, по-римски величественные памятники могли бы явиться нам в пространстве города, если бы этому мастеру буквально, в прямом смысле, дать в руки “улицы — наши кисти, площади — наши палитры”! Увы, не случилось — высятся совсем иные монументы, зачастую отсылающие минимум на полвека назад, и не по сюжетам — дань истории правомерна, а по способу “освоения материала”... Зато Красулин, в 1970 — 1980-е годы все же сделавший несколько “больших форм” — в тульском театре, в столичном Институте усовершенствования врачей, в рязанской филармонии, на кладбище концлагеря в Эбензее (Австрия), затем выигравший вторую премию в конкурсе на памятник Высоцкому, — с облегчением вздохнет в биографическом рас-

сказе: “Кончилась советская власть — кончились заказы на монументальные работы. Слава Богу”. Тогда же началась другая глава в его жизни — необходимые как воздух выставки, в том числе музейные и зарубежные. Ведь в молодые годы ему практически не давали показать своих станковых работ, а ныне его знают и в Германии, и в Италии, и во Франции, он ездит на разные биеннале и демонстрирует свои “Доски” в центре Москвы и Петербурга...

Кстати, о выставках. Впервые я услышала имя Красулина в юности, в самом конце 70-х. Во время большой сезонной экспозиции на Кузнецком Мосту какой-то человек (явно не сам скульптор) с воодушевлением говорил о небольшом и странном с виду, во всяком случае, весьма нетрадиционном произведении: несколько дощечек, где в одной, слегка тронутый красным, угадывался силуэт птицы на ветке, в других — сложенные, но готовые к взмаху крылья. Это было ново и необычно — почти беспредметная, почти геометрическая, лишённая миметических примет композиция на тему живой природы врезалась в память. Уже потом пришлось понимание, что автор вел диалог и с

русскими конструктивистами, и с Бранкузи, Липшицем, Арпом... Второй раз я увидела красулинские работы (и впервые — их автора) спустя десяток лет, когда в составе отдела тогда еще советской скульптуры Третьяковки побывала в его мастерской. Тогда наступили благословенные времена, хотя понятно это лишь теперь, с временной дистанции: рухнул железный занавес, ослабла и почти умерла цензура, а денег на комплектование музейных коллекций государство еще отпускало щедро по старинке, видимо, не подозревая, какую крамолу готовы немедленно принести в госхранилища вселившиеся в них специалисты, воспитанные на Ахматовой, Бродском и Солженицыне.

Мы не просто ходили “отбирать вещи” на закупку, но и вели дневник, куда записывали сведения о художнике и его высказывания. Хозяин мастерской на Нижней Масловке поначалу будто подтвердил расхожее (и весьма ошибочное) мнение, что художники не любят говорить о себе и своем творчестве, но вскоре, увидев неподдельный восторг в глазах полукожины искусствоведов, оттаял, начал одну за другой показывать работы, ведя разговор не столько о себе, сколько о своем поколении — и о Времени... Тогда, помню, мы несколько раз гоняли машину на Масловку, перевоза в галерею и гипсовые рельефы (удивительные тем, что скульптор придумал отливать гипс в песчаную форму, отчего возникала неповторимая, шероховатая, словно сошедшая с изваяний древней Греции фактура, кажется, способная дышать), и большие, до крайности лаконичные композиции из дерева, и бронзовую “Голову отца” — настоящий шедевр. А скульптор стал заходить к нам в отдел, по-прежнему немногословный, но лучащийся светом: его признали, его взяли в национальную сокровищницу! Стоит ли говорить, как это важно для любого художника... Теперь в каталоге я нашла пасаж: “Не страдая от излишней скромности, предполагал, что несколько моих работ после моей смерти попадут в Русский музей или Третьяковскую галерею. Получилось раньше: в 1980 году Русский музей приобрел первые две работы. Сейчас в коллекции ГРМ их 70”.

Признаюсь, не уточняла, сколько произведений Красулина хранится ныне в ГТГ, но знаю — немало. Отправляясь на вернисаж, думала, что все их увижу, как было на недавней выставке Дмитрия Шаховского (ока-

залось, из дому ему привезти почти нечего — все забрала Третьяковка). Ничего подобного: красулинская выставка (более сотни работ) в основном из коллекции автора, многое сделано совсем недавно, и ощущение — это лишь вершина айсберга! А пространство завораживает: как волшебник, Красулин превращает заурядные доски, куски картона, стали, ржавого железа или гофрированной бумаги в артефакты, возле которых невольно начинаешь думать о преобразующей силе искусства. Креативной энергии мастеру хватило бы на то, чтоб обустроить не только свою мастерскую, перенесенную в музейные залы, но и целый мегаполис. С изяществом и дерзостью он подвесил к потолку груды измятых бумаг — “Кипа” парит в воздухе, словно птица, расправляющая крылья. Я все гадала: увижу ли снова “Памятник снегирю”? Да, здесь и он, и его собратья — растения, деревья, фигуры, не требующие названий и долгих повествований, то есть лишённые пресловутой нарративности, против которой выступали еще авангардисты — прямые предшественники мастера. Уверена, они бы оценили фантазию художника, придумавшего поместить свои объекты из бросовых, на первый взгляд, материалов — старых досок, листов картона, металлической сетки, стружек, железных брусьев — в прозрачные провололочные футляры. Среди этих “деток в клетке” (или в четко очерченном модуле, или в своего рода конструктивистском нимбе) — и аскетичные лапидарный “Эскиз фонтана”, и будто пришедший из языческих культов “Знак равенства”, и возносящие к небу руки в молитве деревянные фигурки отшельников (“Без названия”), и прибитые-пригвожденные к столбу старые бумажки с рисунками — те самые “почеркушки”, что собираются в “Архив”. И милый, вполне славянский по духу “Пейзаж”, по лаконизму достойный японского сада камней, и ангел с зажженной свечой (“Фигура”), и вызывающий ассоциации с недавней нашей историей объект под названием “Тяжел и страшен”. Как будто Красулин, который еще в художественном вузе преисполнился “отвращения к тому, что в училище называлось скульптурой”, всю жизнь искал себя через решение дизайнерских задач, решил наконец показать urbi et orbi, что такое “правильное устройство вещей в пространстве”.

Елена ТИТАРЕНКО